

Дети Мама Развод Папа

Ю.В. Корчагина, психолог, канд. психол. наук

– Девочка, а кого ты больше любишь – маму или папу? – Широкое любопытное лицо с блестящими глазами наклоняется ко мне очень близко. Голос неестественный, приторно-ласковый – так обычно разговаривают с умственно отсталыми или с чужими маленькими детьми, чтобы лучше поняли. Я молчу, глядя в сторону, и в конце концов лицо разочарованно отодвигается от меня. «Почему ты не отвечаешь тете? Тетя обиделась», – с укором говорит мама.

Остаток нашей прогулки проходит как-то скомкано, мама со мной почти не разговаривает, а я вспоминаю и размышляю. Когда мы летели домой из Анапы, я очень боялась, что самолет может упасть. Родители тогда сказали мне, что если самолет сломается, то всем дадут парашюты. Я потом даже расстроилась, что он так и не сломался и нам не пришлось полетать на парашюте. Разве можно всерьез чего-то бояться рядом с родителями?

Теперь я представляла себе, как стюардесса, похожая на ту женщину с любопытным лицом, вкрадчиво спрашивает: «Девочка, кого ты больше любишь – маму или папу? Папу или маму? Остался только один парашют, кому ты его отдашь – маме или папе?»

Я очень люблю маму. Мама добрая, она называет меня ласковыми прозвищами, читает мне книжки и всегда заботится обо мне. Папу я тоже очень люблю – он сильный и веселый, рассказывает разные смешные истории, ходит со мной гулять и умеет чинить мои игрушки. Стюардесса про это ничего не знает, она ждет, что я ей отвечу, – ведь самолет уже начинает падать, и надо быстрее выбрать, кому отдать парашют. Это же так просто – решить, кого ты больше любишь, маму или папу. Ведь кто-то из них лучше, добрее, красивее, умнее. Долгая минута ужаса сменяется восторгом – я нахожу правильный ответ. Я радостно кричу стюардессе: «Я люблю родителей, я их люблю одинаково!» Я оставляю свой парашют (теперь хватит и маме, и папе), разбегаюсь и выпрыгиваю из самолета, раскинув руки – скорее, чтоб никто не успел задержать меня. Я улыбаюсь, я счастлива.

Вечером я рассказываю старшей сестре о своем замечательном решении, но сестра не разделяет мою радость. Сузив глаза, она говорит мне что-то страшное: оказывается, наши родители уже давно решили развестись. Сестра говорит, что в таких случаях один из родителей куда-то уходит, а дети остаются или с мамой, или с папой. «Кого ты больше любишь – маму или папу?» – спрашивает сестра.

Третий раз за сегодняшний день я испытываю этот ужас. Мне казалось, что я уже нашла отличный выход, но, оказывается, все еще хуже, и надо решать заново – уже всерьез. И нельзя выпрыгнуть из самолета, потому что никакого самолета нет, и нельзя просто так умереть, потому что родители очень расстроятся, да и страшно. Вот если бы можно было умереть понарошку, ненадолго, чтобы проснуться – а родители снова вместе.

Сестра продолжает говорить, и лицо у нее очень суровое. Она собирается остаться с мамой, потому что маму ей больше жалко, и потому что папа в чем-то перед ней виноват. Я не верю, что папа плохой, но ведь и сестра не может меня обманывать... Она еще объясняет мне, что мужчинам почему-то нельзя верить. И что она никогда поэтому не выйдет замуж, и мне не советует. Я ее слушаю и совсем ничего не понимаю, как если бы она говорила на китайском языке. Перед глазами у меня мелькает та женщина с любопытным лицом и неестественным голосом и папа, пролетающий мимо без парашюта и машущий мне рукой. Ночью у меня поднимается температура.

Родители все-таки развелись, и мы остались с мамой. Мне так ничего и не сказали. Просто когда я вернулась из больницы, папы уже не было – не было никаких его вещей, компьютера, инструментов, электрической бритвы в коридоре. Как будто его никогда не существовало. Исчезли его сигареты с подоконника на кухне. Квартира была чистой и немного чужой. Мама все время говорила, что она очень устала. Папа не звонил и не приходил к нам, хотя я его очень ждала. Мне было его немного жалко, но еще я обижалась, что он не приходит ко мне. Мне стало казаться, что папа никогда не любил меня, а только притворялся, потому что не хотел обижать.

Сестра стала часто куда-то уходить. По вечерам они ругались с мамой на кухне. Я почти перестала есть и сильно похудела. По ночам мне все время снились падающие самолеты, я просыпалась и тихо плакала, чтобы никого не разбудить. Но мама все-таки просыпалась и раздраженно говорила, что у нее нет на меня никаких сил.

В конце концов кто-то посоветовал маме отвести меня к психологу. Я очень боялась, что психолог будет похожа на ту женщину с любопытным лицом и тоже будет задавать мне вопросы про то, кого я больше люблю. На всякий случай я решила вообще не разговаривать. Сначала я так и поступила, но потом оказалось, что разговаривать там не обязательно, а можно просто играть и рисовать. Примерно через месяц психолог попросила меня нарисовать семью. У меня ничего не получалось. Я ломала карандаши, я протирала бумагу ластиком до дыр – и ничего не могла нарисовать. Тогда психолог отправила меня в другую комнату, а сама пригласила мою маму и что-то объясняла ей про психологическую травму. А мама в ответ называла папу плохим человеком и говорила, что дети должны поскорее его забыть.

Я решила, что мама, наверное, сошла с ума. Как можно забыть папу, если он – твой папа? Или все-таки можно?..

Потом мама плакала, и они долго что-то обсуждали.

В следующий раз к психологу взяли еще и сестру, а когда мы пришли, то увидели там нашего папу. Я хотела прыгнуть ему на шею, но не знала, будет ли это правильно, – тем более что мама как-то очень напряженно держала меня за руку. Папа тоже нервничал. Я подумала: наверное, они помирились, хотя было не очень похоже.

Психолог сказала, что родители хотят нам кое-что сообщить. Сначала она немного рассказала, что такое развод, и как он случается в разных семьях, и что бывает с детьми, и почему иногда так странно ведут себя родители. Но я не очень слушала, я все время смотрела на папу и ждала, что же будет дальше.

И вот мама с папой сказали, что они поссорились по какому-то важному взрослому вопросу, и папа переехал в другую квартиру и будет там жить. И если раньше родители вместе нас любили, то теперь будут любить по отдельности. Но любить обязательно будут, потому что мы их общие дети, а общие дети – это навсегда.

Я не поняла, как это – любить по отдельности, но они мне все объяснили. Я узнала, что теперь можно в любое время звонить папе по телефону и приходить к нему в гости – почти каждые выходные и даже среди недели. Мама сказала, что будет очень рада нашим встречам с папой, потому что без папы у нее не выросли бы такие замечательные дочки. И папа вдруг тоже сказал, что он благодарен маме за таких дочек.

Ночью мне снова снился самолет. Женщины с любопытным лицом там больше не было, а стюардесса оказалась похожа на нашего психолога. Она подошла к нам и сказала, что самолет сломался и будет падать. Но мы не должны сильно волноваться, потому что у каждого есть парашют – и мы все можем спастись.

Утром я нарисовала рисунок: сломанный самолет и четыре фигурки на парашютах – наша семья. Я показала этот рисунок маме, и у нее стали такие странные глаза, как будто она собирается плакать, но она не заплакала. Она достала наш семейный фотоальбом, и мы выбрали самую лучшую фотографию. На пляже в Анапе. Мы улыбаемся фотографу – мама, папа, я и сестра. Эту фотографию мы поместили в рамку и повесили над моей кроватью.

Мне очень жалко, что мои родители развелись, и когда я про это говорю, мама сажает меня к себе на колени. Она больше не говорит «Я устала от твоих слез» или «Так будет лучше для всех». Теперь она меня утешает, я плачу немного, а потом мне становится легче.

<https://1metodist.ru/#/document/189/413034/>

Журнал «Справочник педагога-психолога. Детский сад», №9 Сентябрь 2015

© Материал из Справочной системы «Методист детского сада»

<https://1metodist.ru>